

К. 556/500

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ

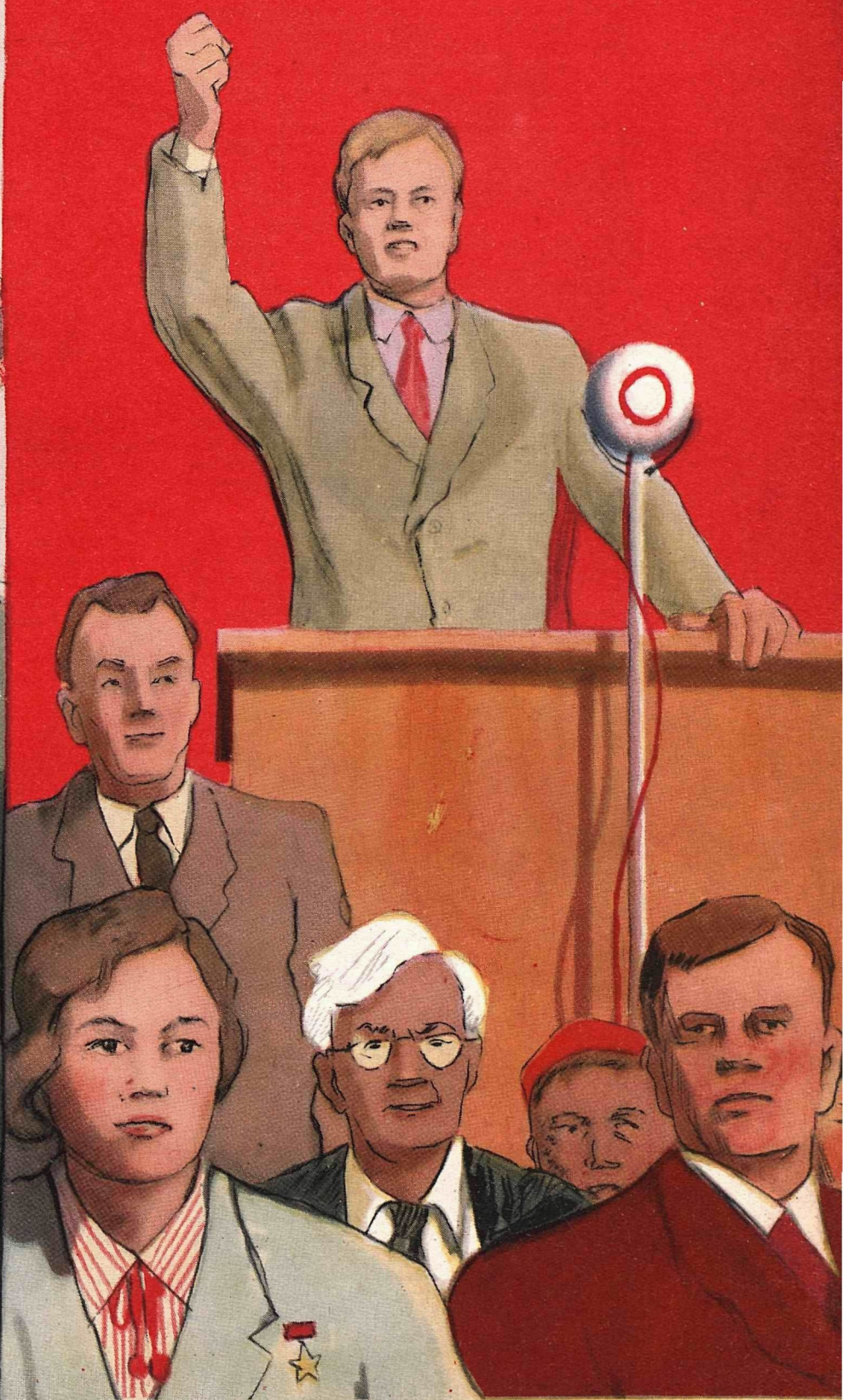

Рис. В. ГОРЯЕВА.

1917 год
Декрет о мире.

1950 год
Конференция сторонников мира.

У поколения, рождённого бурей, самый мирный характер в мире.

К Р О К О Д И Л

№ 30 МОСКВА 30 ОКТЯБРЯ 1950

издание газеты «ПРАВДА» Год издания XXIX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Всеполитими-ка, товарищи!...

(МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ ИЗ БОЛЬШОГО ПРОШЛОГО)

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОСЕЛКА

О КТЯБРЬСКАЯ революция в нашем посёлке по-настоящему началась только в декабре. В самом большом цехе завода—в прокатном—шли выборы рабочего комитета. Когда на трибуну—если можно так назвать штабель железных заготовок—взобрался прокатчик Кирилл Миронов, коренастый русский бородач, ему не дали сказать и двух слов:

- Вот его и надо председателем!
- Правильно!
- Действуй, Кирюша!

Миронов беспомощно раскрывал рот, пытаясь что-то сказать, но гул голосов покрывал его охрипший голос, и лишь по движению губ можно было догадаться, что он произносил слово «товарищи».

Миронова выбрали председателем рабочего комитета «для проведения рабочего контроля над производством», как было записано в резолюции.

И только когда принимали решение, когда лес рук взметнулся, чтобы проголосовать за Миронова, — только тогда Миронов сумел крикнуть:

- Товарищи, да это же невозможно! Я же не могу...

Но Миронова уже не слушали. Десятки людей подхватили его и пронесли под гул собравшихся в заводскую контору. Там на двери одной из комнат кто-то предусмотрительно приклеил вывеску:

«Рабочий комитет О-ского завода».

По должности исполкомовского рассыльного я пришёл к Миронову с бумажкой, в которой просили из заводской конторы опустить пять электролампочек. Миронов взял бумажку, посмотрел на неё, потом на меня и, лукаво сощурившись, спросил:

- А ты, милоч, грамотный?
- Ага. В высшее начальное перешёл.

- Да ну? И читать умеешь?
- Умею.
- Ой ли?
- Ей богу, Кирилл Савельевич, умею.
- А ты не божись. Ты вот прочитай бумажку, которую принёс, тогда поверю. Я взял бумажку и прочитал её.

- И верно умеешь. Молодец! А писать тоже умеешь?

- И писать умею.
- Ишь ты! Скажи, пожалуйста. А не врешь?

- Нет, не вру.
- А ну-ка, посмотрим.

Он взял ручку, обмакнул перо в чернила и подал мне:

- Вот пиши тут на уголке: «Кладовщику Семину». Выдать исполкому пять лампочек... Написал?
- Написал.
- Покажь-ка. Молодец!

Он посмотрел на написанное, взял ручку и, пытаясь и потея от напряжения, вывел большими печатными буквами: «Кир Мир», — что означало Кирилл Миронов.

Он долго гладил меня по голове своими чёрными, заскорузлыми от огня и железной пыли руками и смотрел на бумажку. А потом тихо, оглядываясь по сторонам, спросил:

- Слушай, милоч, а может, ты меня научишь писать и читать?.. Ведь вот, понимаешь, выбрали меня, а я... Ведь срамота, понимаешь, получается. Меня за эту подпись шутники называют «Кыры-Мыры». А мне не до смеха.

Много зимних вечеров сидели мы с Кириллом Савельевичем над букварём. А весной восемнадцатого года, когда я пришёл на очередной урок, Миронов с особенным усердием угощал меня чаем с чёрными сухарями, а потом спросил:

- Ты можешь мне подарить свои книжки?

- Конечно, Кирилл Савельевич.
- Вот спасибо. Понимаешь, конец нашим университетам. Завтра, милоч, на фронт отправляюсь, комиссаром местного батальона. Белых гадов бить. А книжечки я возьму, теперь уж я сам до всего дойду...

...Недавно, в Колонном зале Дома союзов на трибуну второй конференции сторонников мира вышел седой, чисто выбритый старик. Перебирая листки конспекта, он говорил о том, как советские люди с первых дней революции воюют за мир. Он цитировал Ленина и Сталина. Когда он сошёл с трибуны, я подошёл и, еле сдерживая нахлынувшие чувства, протянул ему руку:

- Здравствуйте, товарищ «Кыры-Мыры!» Мы долго бродили по Москве, вспоминая Октябрь в нашем посёлке.

ДИПЛОМАТ

ТЫСЯЧА девятьсот девятнадцатый год. Колчаковцы в двадцати верстах. Комсомольцы «первого поколения» ушли на фронт. Во вновь созданной комсомольской организации старшему шестнадцать лет. А Витьке было только тринадцать. Но он, как и все остальные, не расставался с берданкой. Днём комсомольцы несли караульную службу на всех улицах посёлка. Витька стоит на посту у въезда в посёлок, но не со стороны фронта, а со стороны тыла. Стоит первый раз. О, сколько гордости и душевных волнений он испытывает! И вот он начинает фантазировать... Хорошо бы убить беляка или разведчика захватить... Привёл бы он его к коменданту, встал бы перед комендантом «смирно» и отрапортовал...

- Эй, малец, что ты тут делаешь?

Перед Витькой, словно из-под земли, выросла фигура в романовском полушубке, в солдатской шапке-папахе, с огненно-рыжими усами. Витька видит такого в первый раз. Он мучительно начинает соображать: кто это—наш или не наш? Если бы он был наш,— значит, на папахе должна быть красная лента. Если беляк,— значит, с погонями. А у усатого ни того, ни другого нет.

Усатый улыбнулся:

- Я тебя спрашиваю, что тут делаешь? Кто ты такой?

— Я... дяденька... Я не белый и не красный — я местная молодёжь,— выпалил вдруг Витька.

Усатый расхохотался:

- Значит, не белый и не красный? Так. Ох, брат, и дипломат же ты!

— Ваши документы,— стараясь басить, потребовал Витька.

- Вот это мужской разговор!

Витька с особенной сосредоточенностью проверил документы, и тут его веснушчатое

лицо расплылось совсем детской улыбкой:

- Вы не подумайте, что я струсил, когда сказал, что ни белый, ни красный. Я хотел выпытать сначала, кто вы.

- Ну, так я же и говорю, что ты дипломат.

Вот с тех пор мы и стали называть Витьку дипломатом. Сначала он очень обижался, а потом привык.

А прославился Витька не этим. Витька очень полюбился усатому. А усатый оказался вновь назначенным председателем местного ревкома. Он взял Витьку к себе, и стал Витька у него вроде адъютанта. Он надел такую же папаху, как у усатого, и на зависть нам носил на себе множество каких-то ремней. И вот однажды перед всем строем местной части особого назначения (ЧОН) председатель ревкома заявил:

- Товарищи, разрешите мне от имени революционного комитета объявить благодарность Виктору Н—ву! Он поймал шпиона и этим оказал большую услугу Красной Армии и революции!

Витька стоял красный-красный, на смущённом радостью лице искрились бусинки маленьких чёрных глаз. Когда он собрался сказать «Служу революции!», у него от волнения перехватило дыхание. Он долго ловил ртом воздух, но ни звука произнести не мог.

Шпионом оказался церковный староста. Его сынишка с колокольни пускал в воздух бумажного змея, а по нитке пускал разноцветные бумажки, сигнализируя белым о прибывающих красноармейских частях. Это заметил Витька и сказал председателю ревкома...

...Когда сейчас я читаю в газетах отчёты о дипломатических приёмах и когда встречаю фамилию Н—ва, в моей памяти встаёт красный, смущённый Витька-дипломат с искрящимися бусинками маленьких чёрных глаз.

— Здесь похоронены лучшие мои надежды..

Микола ГАМОЛКА

ДНЕВНИК БРИГАДИРА

Я бригадир, и вот каков
Мой личный распорядок:
Я должен встать до петухов
И раньше всей бригады.

Узнать я должен про коней
У конюха Федота
И проследить, чтоб все дружной
Вставали на работу.

Чтоб заиграл пастух в рожок
Под липою кудрявой
И стадо выгнал на лужок
За шумною дубравой.

Я должен вывести в поля
Бригаду, словно роту,
Следить, чтобы кругом
Гудело от работы.

На то ведь я и бригадир,
И мне почёт в селенье.
Я тут совсем как командир
В своём подразделенье.

Кто должен первым быть в бою,
Вести на подвиг ратный,
На битву за страну свою?
Кто? Командир, понятно!

И вот я раньше всех встаю,
Иду селом любимым.
Заря у неба на краю
Плывёт багряным дымом.

И озаряя небосвод,
Где стайка туч несётся,
Живое, лёгкое встаёт
Над горизонтом солнце.

И первый луч, как руку, вдруг
Над целым тянет миром
И говорит мне: «Здравствуй, друг!
Рад встрече с бригадиром!

Тебе я силы все отдам.
Светить придётся много
Твоим полям, твоим садам,
Твоим путям-дорогам.

Трудолюбивым людям я
Служу теплом и светом.
Я старый садовод, друзья,
Не сомневайтесь в этом!»

Так день весёлый настанёт
В колхозной нашей жизни.
Идёт, шумит, гудит народ
Во всей моей Отчизне!

Перевёл с белорусского
В. СИКОРСКИЙ

На Волгу, НА ВОЛГУ,

На Волгу!

СКОЛЬКО?—спросил Иван Васильевич Комзин, когда секретарь положил на стол очередную пачку писем.

— Двести двадцать.

Начальник Куйбышевгидростроя растерянно поглядел на стол, утопавший в письмах, и снова углубился в чтение заинтересовавшей его открытки.

Через полчаса секретарь снова положил на стол свежую почту.

— Сколько?

— Сто двенадцать!

Кремлёвские куранты пробили полночь, радио закончило свои передачи, а Иван Васильевич всё продолжал вскрывать конверты. Так продолжалось несколько дней. И тогда Комзин решил пригласить себе на помощь главного инженера Николая Фёдоровича Шапошников. Главный инженер с увлечением взялся за чтение писем, но и вдвоём руководители стройки не могли справиться с потоком корреспонденции.

На помощь пришёл начальник отдела кадров Павел Алексеевич Стадинский. Стадинский привлек своего помощника, помощник—другого сотрудника, другой—третьего, третий—четвёртого...

...Когда мы на днях вошли в кабинет начальника отдела кадров, тов. Стадинский рылся в стопках синих, белых, зелёных конвертов.

— Всё читаете письма, Павел Алексеевич?—спросили мы.

Стадинский поднял на меня утомлённые глаза.

— Письма?—переспросил он.—Разве это письма? Это чудесная книга жизни о советских людях, о их неизбывной любви к своей Родине. Почитайте — и вы быстро в этом убедитесь, — и он протянул мне несколько папок.

Мы вскрыли первое попавшееся письмо...

«Дорогой товарищ Комзин, начальник строительства Куйбышевской ГЭС! Вам пишет семья Ковалёвых из города Тамбова. Мы—глава семьи Павел Матвеевич Ковалёв, жена Анна Дмитриевна Ковалёва, сын Евгений, дочь Мария и бабушка, вполне работоспособный член семьи Ольга Васильевна,— просим вас принять нас всей семьёй на стройку. Если вы удовлетворите нашу просьбу, вы имеете сразу: одного токаря восьмого разряда (Павел Матвеевич), одну чертёжницу (дочь Мария), одного техника по холодной обработке металла (сын Евгений), одного бухгалтера (жена Анна Дмитриевна) и воспитательницу в детском саду (бабушка Ольга Васильевна). Наша семья имеет семь орденов, девять медалей, шесть почётных грамот и сорок восемь благодарностей только за послевоенный период».

Следующее письмо было от Василия Горчашева из колхоза имени Молотова, Красноуфимского района, Свердловской области:

«Восхищённый размахом стройки, прошу зачислить меня строителем гигантской ГЭС. Мои профессии, моё происхождение и опыт жизни позволяют меня просить вас об этом. Могу быть кузнецом, электриком, слесарем, шофёром, механиком, арматурщиком, мотористом на скреперах, трактористом. Знаю плотничье, столярное дело. Работал жестяником, каменщиком. Готов пойти на любую работу... За всю свою рабочую жизнь не сделал ни одного прогула, исключая уважительной причины, когда был послан на экскурсии с другими колхозниками в областной центр».

Читаем открытку, на которой проза чередуется со стихами:

«Поэзия—не моё искусство. Но иногда в стенной газете печатаю свои заметки в поэтической форме. Сегодня прочитал в

«Правде» статью о том, что делает страна для Куйбышевской ГЭС, и решил приехать к вам».

Дальше идут стихи:

Думаю, что ждать ответ недолго,
Рвётся к вам сейчас моя душа;
Я хочу работать, жить на Волге,
Строить ГЭС со всей страной сообща.
Я прошу скорей прислать мне вызов,
В стройку я хочу вложить свой труд.
Шлёт привет вам горный мастер Бызов.
Павел Никодимович меня зовут.

А вот листок, вырванный из школьной тетради. На нём старательно выведенные строки:

«Дорогие товарищи, повлияйте на моего начальника, который не желает отпустить меня на строительство. Мне девятнадцать лет, впереди вся жизнь, а профессия канцеляристики не вызывает во мне вдохновения... Готова быть даже чернорабочей. Я вся в мыслях уже на стройке».

Тамара Быкова, город Омск».

А вот предложение от человека, готового прибыть в Куйбышев на собственном транспорте:

«Я, Сыромятников, состою в должности заместителя главного механика всех водолазно-спасательных станций Москвы, специалист по водомоторному делу и являюсь также водолазом. Могу быть использован в качестве механика или в речной флотилии. Есть у меня помощник тов. Ланик—очень энергичный и растущий товарищ, член ВЛКСМ, также водолаз и моторист. Сообщите, и мы приедем на собственном катере. Есть ли у вас стоянка на берегу?»

Писем было много: в тот день их прибыло шестьсот двадцать пять. Вместе с работником отдела кадров мы подсчитали: было представлено шестьсот городов. Сотни самых различных профессий. Предлагает свои услуги даже один футболист—мастер спорта.

Когда мы уже собирались уходить, раздался телефонный звонок. Начальник отдела кадров тов. Стадинский снял трубку.

— Вас вызывает Пенза.

— Давай Пензу!—и он устало присел.—Я слушаю.

Закончив разговор, начальник отдела кадров передал нам его содержание.

— Какой-то бухгалтер. Категорически требует, чтобы мы его взяли на стройку. Я, говорит, согласен на любые условия. Если не возьмём его, грозит жаловаться в центр. Уже запасся железнодорожным билетом.

* * *

Из района строительства Куйбышевской ГЭС пришла телеграмма в областное управление связи:

«Связи резким увеличением потока писем прошу ходатайствовать увеличении штата почтамта тчк необходимы два почтальона».

Письму уважили.

И правильно сделали.

Мих. ЗОРИН

Куйбышевгидрострой.

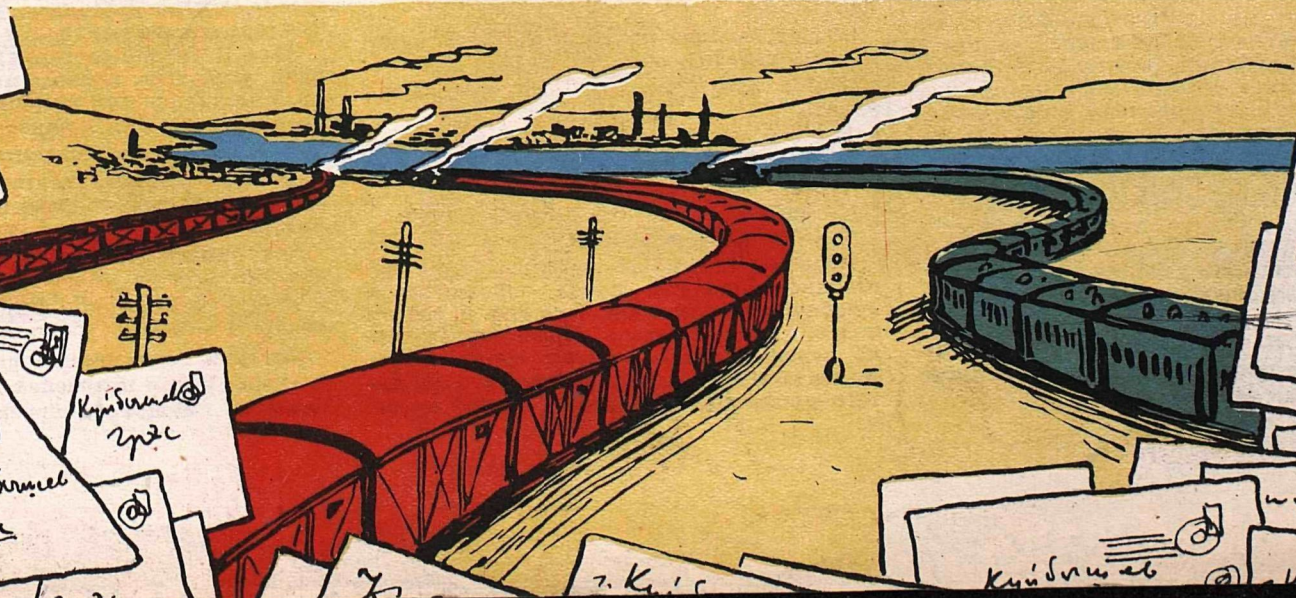
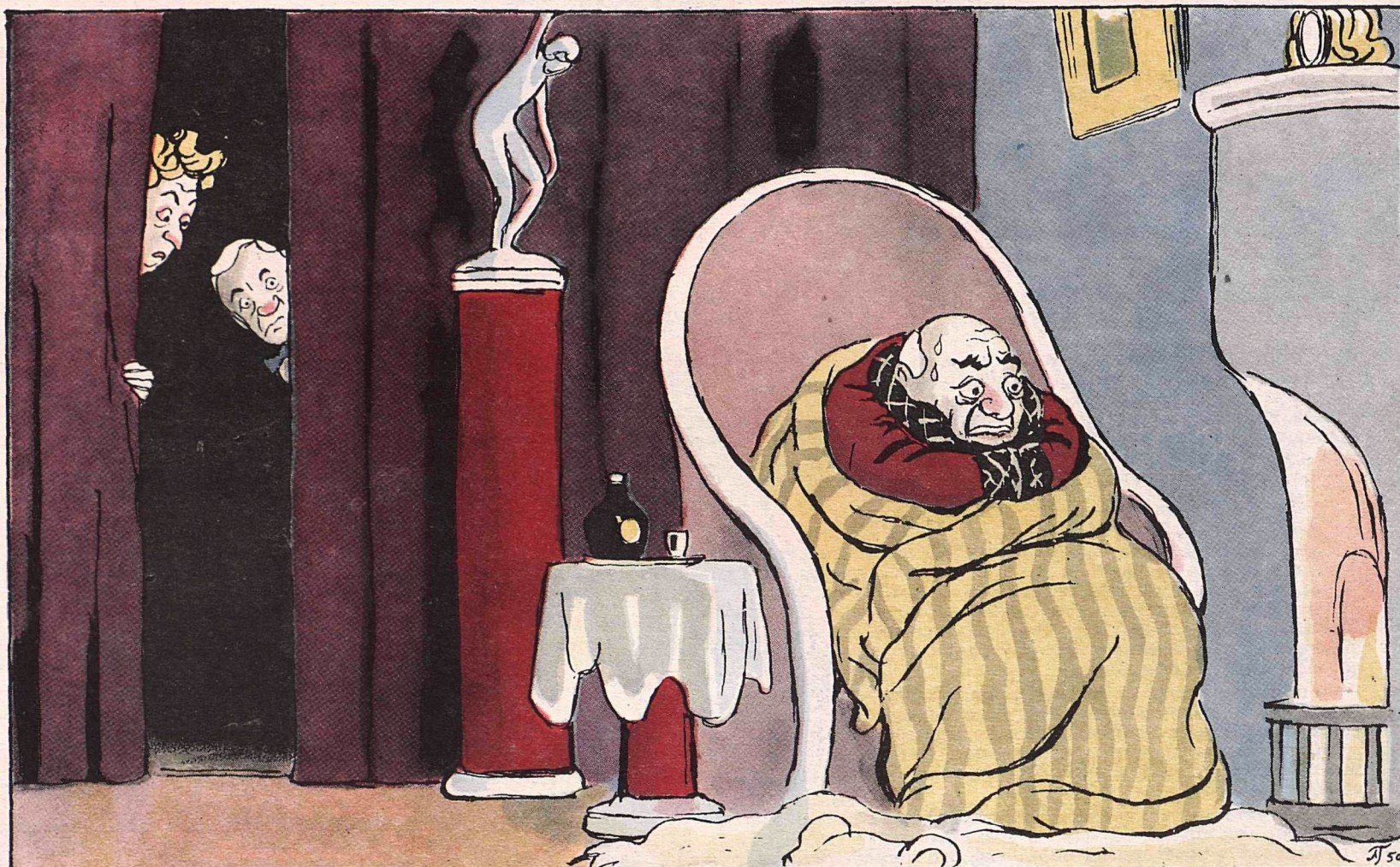

Рис. Л. ГЕНЧА

— Что случилось с мистером Топкинсом!
— О боже, его в октябрьские дни почему-то всегда лихорадит!

Ю. КЛЕМАНОВ

СОБЕСЕДНИК

ПОЕЗД шёл в столицу. Профессор Иван Петрович Сыромятников тоскливо смотрел на телеграфные столбы, мелькавшие за окном. Убегая, они казались ему секундами, из которых складываются минуты и часы, скучно проводимые профессором в этой поездке.

Иван Петрович вздохнул. Он был общительный человек и любил в дороге завести знакомство со случайными попутчиками, поговорить о том, о сём, поспорить, погорячиться немного, узнать что-нибудь новое. Однажды его попутчиком был бородастый полярный лётчик, в другой раз — председатель колхоза-миллионера... А недавно Иван Петрович ехал с одним столичным литератором. Интересный был собеседник!

А на этот раз профессор недоброжелательно посмотрел на пассажира, спящего на противоположном диване. Намётанный глаз профессора сразу уловил что-то знакомое, много раз виденное, примелькавшееся в облике этого незнакомца. Он решил, что перед ним, по всей вероятности, студент технического вуза. Об этом говорили логарифмическая линейка, выглядывавшая из верхнего кармана кожаной куртки, чертежи в раскрытом портфеле и, наконец, несколько учебников на столике. Один из них профессору был особенно знаком.

«Проф. И. П. Сыромятников. Технология металлов», — прочёл он на титульном листе и иронически засмеялся.

Когда попутчик наконец встал, профессор привычным тоном обычного дружелюбного превосходства, выработанным многолетним общением со студентами, приветствовал его, как старого знакомого:

— Ну-с, выпались? Что видели во сне? Обработку глобоидальных шестерён? Или просто формулу Тейлора?

Попутчик смущённо улыбнулся:

— Хватит с меня Тейлора...

— Что же, сильно досажает? Или что-нибудь непонятно? — спросил Иван Петрович, подумав, что вот теперь придётся разъяснить ещё разные элементарные истины.

Собеседник отчуждённо посмотрел на профессора:

— Нет, больше не досажает... А непонятное, конечно, есть.

— Вот как! Что же это, любопытно узнать?

— Да к чему этого Тейлора в учебник помещают?! Во-первых, старьё — это раз. А во-вторых, вообще вредное дело...

Незнакомец подал профессору книгу:

— Почитайте, если интересуетесь...

Иван Петрович был уязвлён. Он, собственно, давно сам понял порочность и ошибочность взглядов Тейлора и совсем недавно сдал в печать новое, основательно переработанное издание своей книги. Но не этому же юноше поучать его, маститого профессора! На губах молоко не об-

сохло, а вот — подите-ка! — рассуждает с заправским видом знатока...

Иван Петрович, положив книгу на столик, ядовито сказал:

— Вот вы, дорогой юноша, видно, очень строги в своих «научных воззрениях», а между тем даже не дочитали до конца предмет, о котором так судите!

Попутчик смущённо взглянул на книгу, виновато улыбнулся и ответил:

— Да, простите, не дочитал... Утомился очень: после смены и прямо на поезд.

— После... чего? — переспросил профессор.

— После работы. Токарь я. С Уралмаша, — пояснил он и, вероятно, вспомнив о чём-то, хмуро добавил: — Так что насчёт Тейлора понятие имею...

Иван Петрович растерянно посмотрел на руки «коллеги», логарифмическую линейку, усмехнулся при воспоминании о своих недавних догадках и неуверенно сказал:

— Я вас было за студента принял...

— Так я и есть студент: вечерний институт посещаю, — подтвердил попутчик непринадлежно.

После долгой паузы Иван Петрович признался:

— Это ведь моя... книга. Чего греха таить! Я писал!

Спутник недоверчиво посмотрел на профессора. Потом покраснел до ушей и, преодолевая смущение, спросил:

ВЫСОКИЕ ПРИНЦИПЫ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Рис. Ю. ГАНФА

— Вы? Прямо так и будете: Сыромятников? И. П.?

— Не буду, а есть,—буркнул профессор.

— Вы уж извините,—пробормотал попутчик, окончательно смутившись, и, одёрнув зачем-то пиджак, добавил, с тоской глядя в окно:—Очень приятно будет познакомиться...

Иван Петрович засмеялся:

— Да вы садитесь! Чего стоять-то? В ногах правды нет...

Токарь опустился на диван, помолчал, но затем решительно сказал:

— А ведь у Тейлора-то тоже правды нет, товарищ профессор!

— Знаю! Знаю, голубчик!—согласился Иван Петрович.—Очень хорошо теперь знаю! Ошибался! Но вот могу вам даже гранки показать новой моей книги. Поскольку вы такой строгий критик...

Иван Петрович вынул из портфеля толстую пачку, положил её на столик, ласково разгладил рукой и продолжал:

— И всё же я не тороплюсь подписывать книгу к печати. Каждый день что-нибудь новое приносит...

Собеседник Ивана Петровича с интересом и уважением листал гранки, всматривался в чертежи, разбирал авторскую правку, с головой погрузившись в это занятие. Никогда ещё ему не приходилось читать учебник в таком виде, да к тому же на глазах самого автора...

Иван Петрович был не слишком восхищён таким оборотом дела. Он посидел ещё несколько минут, посетовал в душе на отвлекшегося собеседника и со вздохом, вынув из портфеля тонкую брошюру, погрузился в чтение.

Мягкие рессоры сделали своё обычное дело. Вскоре профессор Сыромятников с видимым удовольствием вытянулся на мягком, уютно покачивающемся диване.

Когда Иван Петрович проснулся, он увидел, что его спутник скучающе смотрел в окно, как бы считая секунды, отмериваемые телеграфными столбами.

— Поспали?—спросил он вежливо у Ивана Петровича, и профессору послышался в этом скрытый упрёк.

— Да вот, видите ли, зачитался немного,—почти оправдываясь, сказал Иван Петрович.—Книжечка неплохая, однако выводы, знаете ли, ещё робкие, неуверенные.

— Выводы тут, конечно, ещё слабенькие,—с неожиданным авторитетом заявил попутчик.—Только ведь дело это поправимое. Можно и новые добавить.

— А вы разве читали эту брошюру?—удивился профессор.—Или, может быть, по вашему обыкновению, не дочитали до конца?

— Дочитал!—усмехнулся токарь.

Он подумал немного, опять улыбнулся и добавил:

— Чего греха таить!.. Это ведь моя книжечка-то!

— Вы, значит, и есть автор нового метода скоростного резания?

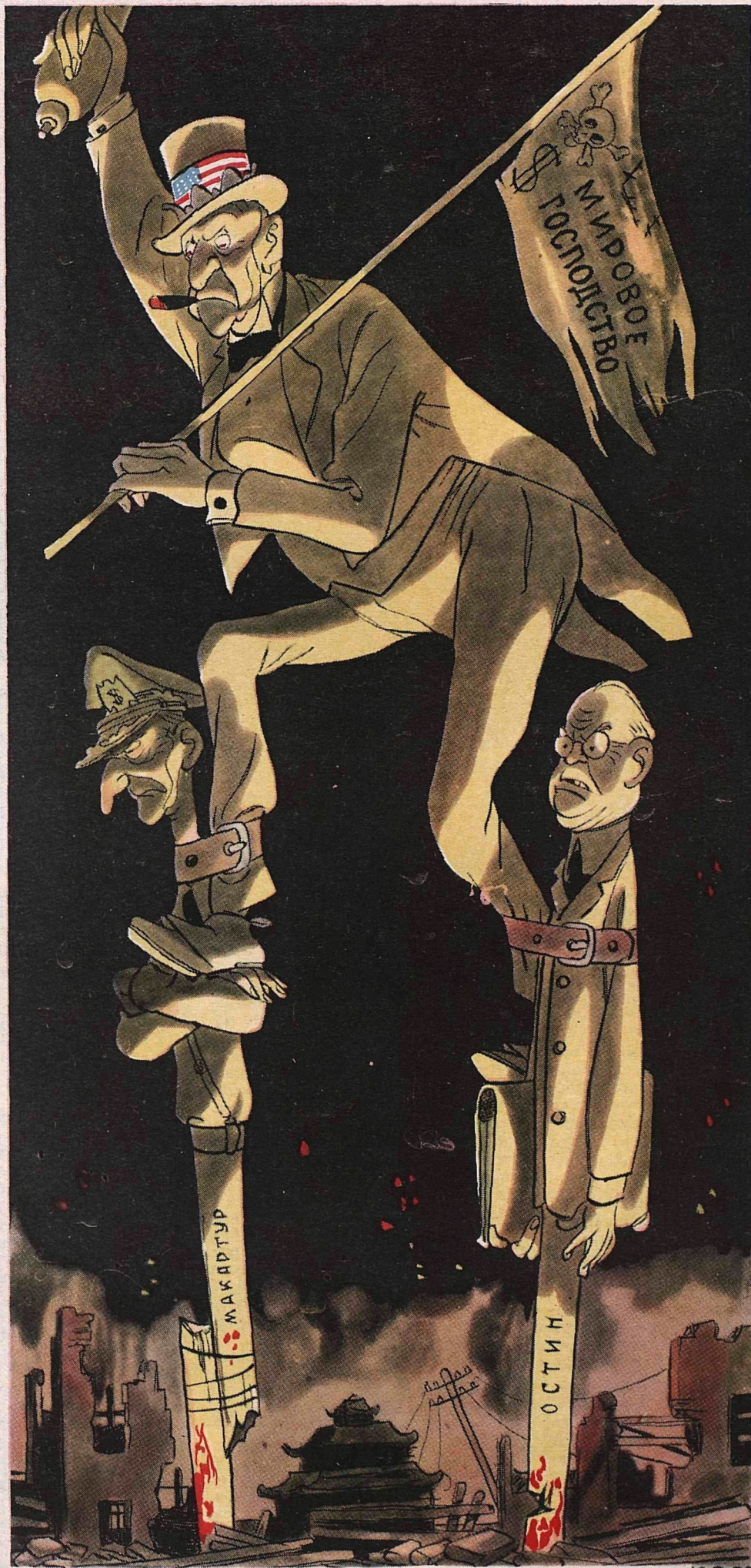
— Совершенно верно!—весело отозвался токарь.—Правда, мой метод не совсем ещё метод. Надо кое-что научно проверить, с учёными посоветоваться. Вот и еду сейчас на конференцию.

Профессор снова сел на диван.

— Занятно у нас получилось! А?—сказал он, радостно засмеявшись.—Как в романе!

— Обыкновенно,—возразил токарь.—А насчёт вашей критики вы правы. Выводы в моей брошюре ещё не те, что нужно. Но только мы сейчас уже новое кто-то задумали. Вот вы посмотрите, товарищ профессор...

И, склонившись над карандашным наброском резца нового типа, оба пассажира стали с интересом обсуждать преимущества и недостатки различных способов его заточки. Профессор и токарь больше не замечали ни мелькающих за окном телеграфных столбов, ни даже станций и полустанков.

На своих на двоих.

СТРОИТЕЛЬСТВО
КУЙБЫШЕВСКОЙ
ГЭС
НА Р. ВОЛГЕ.

СТРОИТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАДСКОЙ
ГЭС
НА Р. ВОЛГЕ

СТРОИТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОГО
ТУРКМЕНСКОГО
КАНАЛА
АМУ-ДАРЬЯ—
КРАСНОВОДСК

Рис. П. СЕМЕНОВА

Чтоб их дела надёжно были скрыты
От всех людей покровом темноты,
Воздвиг синклит бандитов Уолл-стрита
Твердыню лжи и наглой клеветы.

Плывут лжецы на радиоволне:
— СССР готовится к войне!
Мол, там сейчас ужасная картина:
Село любое, город иль посад,

Мга, Пятихатка,
Сочи, Сталинград,
И Ашхабад, и Крым, и Украина
Готовят... только атомный снаряд.

1. ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ В ТРАМВАЕ

БЕРЛИН — единственный в мире город, в котором путешествие за границу можно совершать в трамвайном вагоне. Для этого не требуется никаких виз или заграничных паспортов. Но такое путешествие далеко не безопасно.

Немец садится в трамвай № 92 в демократическом секторе. Покупает билет. Едет. Спокойно читает газету. Через несколько остановок кондуктор объявляет: «Конец демократического сектора Берлина!» — и уступает свой пост «западному» кондуктору. Теперь пассажиры должны покупать проездные билеты на западноберлинские деньги.

Пока происходят эти «пограничные формальности», в вагоне уже действуют ворвавшиеся в него американские солдаты с автоматами. Многоопытные берлинцы уже знают, как им в таких случаях надо себя вести. Они быстро прячут в сумки, карманы газеты

восточного сектора и мысленно начинают гадать, благополучно ли кончится «пограничный осмотр». Одна девушка замешкалась, солдат увидел в её руках журнал «Берлинер иллюстрирте», моментально вырвал его (а заодно и сумку девушки) и в мгновение ока вытолкнул её (девушку, а не сумку) на мостовую. Такая же участь постигает всех пассажиров.

После этого янки приступают к «пограничному осмотру». Со стен вагона срываются плакаты, призывающие подписаться под Стокгольмским Воззванием, афиши о советских фильмах, — словом, всё, что напоминает о восточном секторе. Бесстрашно расправившись с крамолой, янки садятся в джип и отправляются совершать новые «подвиги».

Пассажиры возвращаются в вагон. Счастливые! На этот раз никто из них не был избит...

2. О ПОЛЬЗЕ БОКСА

ЗАТО у шофёров Западного Берлина совсем не бывает счастливых дней. Статистикой

установлено, что янки избивают их в трёх случаях.

Первый случай, когда шофёры требуют плату за проезд. Поскольку шофёры никак не могут отучиться от этих требований, им приходится по несколько раз в день ощущать на себе силу американских кулаков.

Второй случай, когда янки грабят, то бишь отнимают вырубку у шофёров. Поскольку последние никак не хотят понять, что заработанные ими деньги принадлежат американцам, жертвы среди работников автомобильного транспорта в Западном Берлине ежедневно исчисляются десятками.

Третий случай, когда у янки чешутся кулаки. Никаких меркантильных соображений у него нет, просто хочется подраться. Подойдёт к такси, откроет дверцы — и хлесть шофёра в зубы! Хлестнёт и успокоится. Небольшая, так сказать, физкультзарядка.

Как правило, во всех трёх вышеуказанных случаях американские солдаты выходят из «боёв»

ЯНКИ В ЗАПАДНОМ

(ИЗ ЗАПИСНОК)

победителями. Но порой им приходится и отступить.

Однажды несколько янки, охваченные неудержимым желанием развлечься, напали на одинокого прохожего. Силы были явно неравны, и американцы смело ринулись в драку. Однако они просчитались. Получив быстрый и в буквальном смысле слова сногшибательный отпор, янки вынуждены были признать себя побеждёнными.

Их противником оказался немецкий боксёр.

3. СЕКТОР АНГЛИЙСКИЙ — НОГИ АМЕРИКАНСКИЕ

УЛИЦА Курфюрстендамм. Английский сектор. Кафе. Столы. На столах рядом с бутылками и бокалами ноги, много ног. По этому признаку можно сразу определить: в кафе сидят янки. Сектор, правда, английский, но хозяйничают в нём американцы. Совсем как в Англии.

СТРОИТЕЛЬСТВО
ЮЖНО-
УКРАИНСКОГО
И СЕВЕРНО-
КРЫМСКОГО
КАНАЛОВ

И вдруг потоп, невиданный доньше,
Хлестнул на Запад, лжи наперерез.
Канал в Крыму! Канал на Украине!
Канал в Туркмении! Каховка! Сталингрэс!

Брехнуть словцо от ужаса не смог
Хрипящий бибисиплый голосок.
Клеветникам не выискать защиты!
Какой у них убогий, жалкий вид!

Всё положение ясно говорит,
Что остров лжи бандитов Уолл-стрита
Волною правды будет смыт.
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

НОМ БЕРЛИНЕ

4. «БЕЛЬЕВАЯ ВОЙНА»

УЧИТАТЕЛЕЙ может составить представление, будто янки воюют только с шоферами и официантами. Но это далеко не так. Ведут они операции и против других слоёв населения, в частности против домохозяек.

Дело в том, что многие семьи Западного Берлина сдают своё бельё в стирку в прачечные района Кепеник, который находится в восточном секторе. Вот это-то и вызвало тревогу у янки. А вдруг вместе с чистым бельём в Западный Берлин проникнет коммунистическая пропаганда?! И американский комендант отдаёт приказ: проверять все машины с бельём!

Так началась «Вэшекриг» — «Бельевая война». На одной стороне военная полиция, вооружённые солдаты, на другой — безоружные домохозяйки. Пойманную машину с бельём пригоняют в полицейский участок, и янки начинают рыться в дамских сорочках, пелёнках... Роются, исследуют каждое пятнышко.

Пока никакой пропаганды не обнаружено, но «хитрые лисички», как берлинцы называют янки, не сдаются.

По этому поводу одна немка сказала:

— Пусть дурачатся. Все лисички в конце концов встречаются у скорняка...

5. ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

В ВАГОНЕ электрички сидят двое мужчин. Один спрашивает другого:

— Здесь уже западный сектор?

— Да, это Шарлоттенбург.

— Вы знаете, в последнее время стало трудно ориентироваться в секторных границах. Прежде, бывало, едешь в трамвае и смотришь в окно. Если на домах и заборах написаны лозунги «Мы за мир!», «Американцы, убирайтесь домой!» значит, ясно: это восточный сектор. Если таких лозунгов нет, значит, начался западный. А теперь и там немцы всюду пишут эти хорошие лозунги. Пишут, несмотря на террор.

Вл. РУДИМ

Берлин.

книжки)

Итак, кафе, столы, ноги. Через окна — открытые или закрытые — летят на улицу пустые бутылки. Это значит, что янки отдыхают, то есть дерутся между собой или избивают официантов.

На Курфюрстендамм вообще всегда царит бодрое веселье. Если не происходят полёты бутылок, то гремят выстрелы. А почему стрельба, немцы хорошо знают: либо развлекается пьяный янки, либо гангстер (тот же янки) грабит ювелирный магазин.

Курфюрстендамм — это кинострит, прокатное отделение Голливуда. Здесь находятся несколько кинотеатров, в которых зрители в течение одного сеанса могут овладеть всеми тайнами профессии убийцы.

Немцев не привлекает эта профессия, но янки не теряют надежды на их перевоспитание. Совсем недавно по Курфюрстендамм бродили люди в масках и с револьверами в руках, приказывали прохожим поднять руки вверх. После этого ошеломлённым немцам предлагалось купить

билет на новый голливудский «боевик». Это была реклама, но жители Западного Берлина хорошо знают американские права. Револьвер заряженный, неровен час и выстрелит. И покупают билеты...

Берлинские журналисты подсчитали, что один лишь кинотеатр в Западном Берлине в течение года показал на экране 360 убийств, 84 самоубийства, 265 вооружённых нападений и ограблений.

По данным газеты «Нахт-экспресс», в Западном Берлине в среднем каждый месяц совершается 20 убийств, столько же самоубийств, около 100 преступлений против нравственности, ещё больше ограблений.

Таким образом, количество убийств в жизни пока несколько ниже, чем на экране. Но янки не унывают. Они твёрдо надеются, что темпы преступлений будут непрерывно расти... А не будут расти, пустят в ход ещё более «ошеломляющую» рекламу. С всамделишной стрельбой...

«ИМПЕРАТОР»

РАССКАЗ ТРАКТОРИСТА

Как всё это вышло, скажу откровенно.
С войны я весной вернулся как раз
И трактором начал на поле бессменно
Отваливать глыбы...

А осенью нас

Позвали с раздольных степей Черноморья
Представить о наших победах отчёт.
Впервые поставил на отдых мотор я
И двинулся, братцы,
В Одессу,

На слёт.

Увидели б вы, на каком «лимузине»
Со станции мчался я, пахарь степной!
Бульвар... Вот гостиница...

Тотчас к машине

Выходит солидный швейцар с бородой.
Вхожу в макинтоше и шляпе крылатой.

И с толку я сбил старикана-портье:

Решил он, что дверь отворил дипломату!

— Какой,— говорит,— вы державы, мусье?

Ну, что ему скажешь? И смех и забава!

«Мусье» и в роду не водились моём.

— Я прибыл из той,— отвечаю,— державы,
Что просто зовётся колхозным селом.

...При чём же тут, скажете вы, император?

При том, что под вечер в назначенный час
Пошёл я на слёт в знаменитый театр.

Торжественно, музыкой встретили нас.

Пригласил причёску.

Вхожу я степенно.

И тут-то —

К тому и клоню разговор —

Ведёт меня в лучшую ложу у сцены,

Всю в золоте,

Кланяясь мне,

Билетёр.

А кресла-то мягкие, с бархатной спинкой!

Сажу я, а сердце ликует моё,

И так захотелось, чтоб глянула жинка,

В каком тут почёте Олекса её!

...Начало!

Душевное слово оратор

Сказал нам про партию, силу труда.

— Глядите! В той ложе сидел император,

Теперь же сидит в ней Олекса Беда!

Все дружно захлопали, с мест повскакали...

Раскланяться, что ли... Так я ж не артист:
Такой же, как все в переполненном зале,
Степей черноморских простой тракторист!
Держу я в порядке мотор, радиатор.
От снега до снега машину вожу.

И если тут, в ложе, сидел император,
Так больше не сядет:

Ведь я тут сижу!

Слышал я, что он появлялся «негласно»,

Боялся открыто бывать на виду,

А я разместился свободно, прекрасно,

И видно отлично Олексу Беду.

Классической оперой кончился вечер.

И вышли игравшие к рампе, на край.

Тут был я особо поклоном отмечен

И нежной улыбкой мадам Баттерфляй!

С тех пор и пошло...

Прихожу ли в театр я,

На улицу выйду ли,

Шутят всегда:

— Здорово, Олекса! Привет, «император»!

Сидеть в такой ложе Беду — не беда!

...Вот так и пошла от друзей и знакомых.

По краю шутивая кличка моя.

Добрался со слёта к родимому дому,

И вот как, представьте, встречает семья:

Я только вхожу с чемоданчиком в хату,

А жинка навстречу с младенцем-сынком:

— Приехал наш милый татусь... «император»!

По радио, мол, услышали о том.

...А утром я снова трудился на пашне,

Мотор запустил — и к работе чем свет!

Нельзя без конца любоваться вчерашним,

Иначе обгонит в работе сосед.

Пусть осенью трудно. Пускай мокрогато,

Но горы свернёт мой испытанный плуг!

Ведь я тут хозяин,

Ведь я «император»

Земли, что и глаз не окинет вокруг!

Работать — так с жаром!

Я силы умножу,

Чтоб крепла и ширилась слава труда,

Чтоб прочно сидел в «императорской» ложе

На съездах и слётах

Олекса Беда!

Перевёл с украинского

Дмитрий СЕДЫХ

Бродвей — одна из самых освещённых улиц Нью-Йорка. Но при этом ярком свете ещё отчётливее видно всё убожество американской культуры.

И. ВЕРХОВЦЕВ

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

— ВСЕ? — спросил своего собеседника Дугин и с преувеличенно озабоченным видом принялся читать лежащую на столе бумажку, давая этим понять, что профсоюзным делам он не может больше уделить ни одной секунды. И так как Осенев в это время рылся в своём портфеле, директор нетерпеливо повторил:

— У вас есть ещё ко мне вопросы?
— Есть, Михаил Петрович. О Зверевой.
— О Зверевой? — директор, заинтересованный, отложил бумажку в сторону. — О чём же говорить? Молодой инициативный инженер...
— Совершенно верно.
— Растущий...
— Согласен.
— Новатор, о ней даже в газетах писали...

— Писали, и не раз.
— Среди работников нашего треста выделяется глубоким знанием дела, организаторским талантом...
— Выделяется.
— А раз выделяется, то что же вы против неё имеете?

Не отвечая на вопрос, Осенев протянул директору извлечённую из портфеля бумажку. Дугин быстро пробежал её глазами, стремительно выскочил из-за стола и нервно зашагал по кабинету:

— Не понимаю! Отказываюсь понимать вас, товарищ Осенев! Местком просит меня выдвинуть Звереву на освободившуюся должность заведующего производственным отделом! Вы, как руководитель месткома, отдаёте себе отчёт в своих действиях? Вздор вы предлагаете.

— Почему же вздор?
— Потому что... потому что... — Директор подбежал к столу и ткнул пальцем в календарь: — Извольте взглянуть!

Председатель месткома недоумённо посмотрел на листок календаря.

— Какое сегодня число? — торжествующе спросил Дугин.

— Восьмое сентября, — продолжая недоумевать, ответил Осенев.

— Сентября, а не марта! Представляете себе, как бы мы выглядели, если бы вдруг ни с того, ни с сего выдвинули сейчас Звереву?!

— Но ведь она молодой инициативный инженер...

— Совершенно верно.
— Растущий...
— Согласен.
— Новатор, о ней в газетах пишут...
— Пишут.
— Зарекомендовала себя глубоким знанием дела...
— И это верно. Вот мы в марте о ней и подумаем.

Председатель месткома хотел что-то сказать, но Дугин прервал его:

— Знаю, знаю. Вы скажете, что выдвигать женщин надо не только в марте. Отвечу: если мы назначим Звереву сейчас, в сентябре, это не произведёт никакого впечатления. Другое дело — в марте. Опубликуем приказ, огласим его на общем собрании, всколыхнём массы... Вам понятна моя мысль?

Председателю месткома была непонятна директорская мысль, зато он понял, что продолжать разговор о Зверевой бесполезно.

* * *

Месяца через два после этой беседы Дугин приехал по какому-то делу в райком партии. Там в это время заканчивалось заседание бюро. Когда Дугин вошёл в зал, там выступал секретарь райкома.

— Надо констатировать, — говорил он, — что на текстильной фабрике проделана некоторая работа по выдвижению женщин. Но эта работа совершенно недостаточна. Поэтому я предлагаю записать...

По окончании заседания директор треста подошёл к секретарю.

— Жаль, товарищ Дугин, что ты опоздал, — сказал секретарь. — Полезно было бы и тебе послушать наш разговор. Ведь и тебя с выдвижением женщин не всё в порядке.

Дугин поспешил переменить тему.

* * *

Вернувшись в трест, директор немедленно вызвал к себе председателя месткома.

— Хочу, товарищ Осенев, оформить Звереву в должности заведующего производственным отделом, — не глядя в лицо своему собеседнику, начал Дугин. — Хватит ей ходить в замах! Пора ей поручить более ответственный пост!

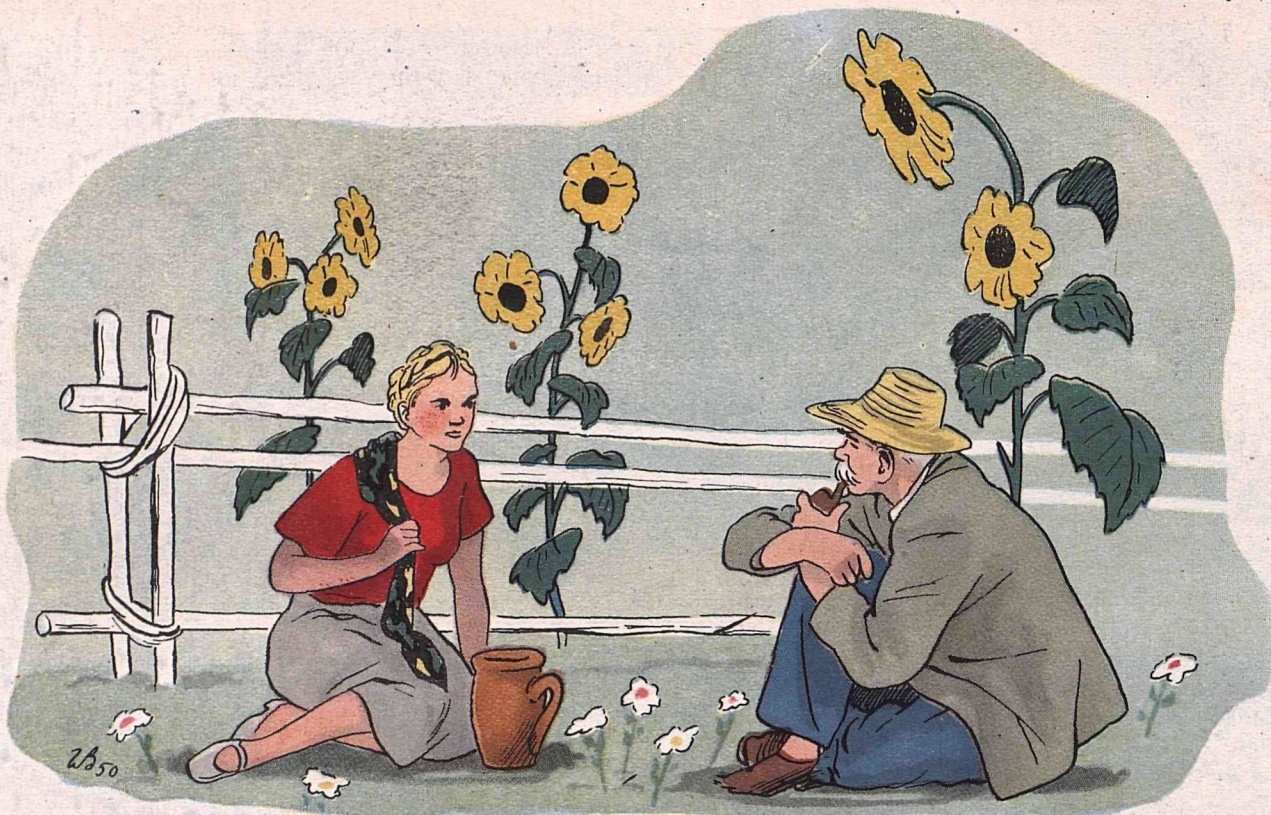
— Не выйдет, Михаил Петрович.
— Как не выйдет? Молодой инициативный инженер...
— Совершенно верно.
— Растущий...
— Согласен.
— Новатор, о ней даже в газетах пишут...
— Пишут.
— Ну, вот видите. Сегодня же и выдвинем её.

— Не выйдет, Михаил Петрович.
Дугин даже привскочил со стула:
— Да почему не выйдет? Раз я сказал...
— А вы, Михаил Петрович, читали телеграмму из Москвы? Утром получена. Она должна лежать у вас на столе.

Директор порылся в папке и нашёл телеграмму: «Срочно командуйте инженера Звереву Москву распоряжение министерства».

— Чёрт знает что! — вскипел директор. — Лучшего работника у меня забирают! Я буду протестовать! Я буду бороться!..

Осенев незаметно покинул кабинет, откуда ещё долго доносились негодующие возгласы.

М Е Ч Т А Т Е Л И

АРКО печёт полуденное солнце.

В поле тихо. Только пчёлы с деловитым жужжанием летают от ульёв к массиву подсолнечника и обратно, да, звонко щебечет, купается весёлый жаворонок в небесной прохладе.

Галина Соломина, заместитель директора МТС по политической части, с утра побывала во всех

тракторных бригадах, а к полудню, намаявшись от ходьбы и жары, завернула на колхозную пасеку.

Пасечника Никиту Григорьевича Галина Соломина знает уже год. В станице Никиту Григорьевича зовут мечтателем. Соломина вспомнила, как однажды пасечник поразил её своими рассуждениями об использовании атомной энергии.

— Перво-наперво, — заявил он, — атомную энергию надо использовать для изменения климата. Есть такая страна Гренландия. Учёные пишут, если бы льды Гренландии растаяли, во всём мире наступило бы потепление. В Сибири климат будет, как на Украине, а на Украине зацветут лимоны и апельсины. Я так думаю, что наши учёные об этом теперь планы складывают...

Никита Григорьевич радушно встретил Соломину. Угостил её огурцами и мёдом, и та прилегла на свежее сено. Пасечник сидел на корточках у входа в палаш и с мечтательным выражением курил трубку. Соломина не утерпела, чтобы не сказать:

— Когда-то в романах пасечники описывались тихими, святыми, с праведными мечтами.

Никита Григорьевич сердито посмотрел на неё и ворчливо произнёс:

— Внешность тут не при чём. Профессия меняет человека. Пчела любит спокойного, уверенного. Ты вот вертлявая, шустрая, а повозись с пчёлами годик — переменишься.

— Не сердись, Никита Григорьевич, — примирительно произнесла Соломина, — внешность, верно, не при чём. Давай лучше поговорим об атомной энергии.

— Посмейваешься над стариком, — уловив насмешливые нотки в её голосе, ска-

зал пасечник. — Думаешь, чудить стал. Ну и нехай! Я мечтаю, а от земли родной не отрываюсь. Мои мечты практические.

Несколько минут он молчал, потом сказал, растягивая слова:

— Вот пройдёт три года, и поеду я путешествовать по Европе. Попрошу разрешения у правительства — и поеду.

Никита Григорьевич покосился на Соломину. Та только удивлённо моргнула.

— Это решено! Через три года еду в Европу.

— Чего ты там не видел? Что делать будешь?

— Что делать? Дела у меня есть, — сказал он и приподнялся.

В палаш залетела пчела. Сердито жужжа, она тыкалась о стенки, словно слепая. Соломина в испуге замахала руками. Никита Григорьевич осторожно сгрёб пчелу в ладонь и выпустил на волю, приговаривая:

— Дурашка, дурашка, съешься, куда не спрашивают.

Он встал, принёс свежих огурцов. Опять закурил трубку.

Соломина спросила с любопытством:

— Что же всё-таки делать будешь за границей? И почему через три года, а не раньше?

Постучав о каблук сапога потухшей трубкой, он взбил сено, уселся поудобнее.

— Что, говоришь, за границей делать буду? — переспросил он. — Вот слушай. Побывал я в войну в Румынии, Венгрии, Австрии. Побачил ихнее житьё-бытьё. Незавидно жили крестьяне заграничные. Говорил я с ними. Понятное дело, кто о чём, а я о наших колхозах рассказываю. Рты разинут, слушают. Всё им в диковинку!

— Как же ты с ними разговаривал? Ты же языков не знаешь, — спросила Соломина.

— Крестьянин с крестьянином всегда язык общий найдут, — уклончиво ответил Никита Григорьевич. — Да ты слушай, не перебивай! Я им говорю, что до войны мог за свои деньги международное путешествие совершить и не то, что автомашину, а и самолёт купить. Качают головами, усмеваются. Вижу: не верят. И тогда запала у меня думка побывать снова в тех местах.

Никита Григорьевич замолчал на минуту, выпил из глиняной макитры воды, вы-

тер губы и, весело взглянув на Соломину, продолжал:

— Подсчитал я, что через три года у меня столько накопится денег, что легковую машину куплю. На ней и по Европе поеду. Как думаешь: даст мне правительство заграничный паспорт?

— Думаю, что дадут.

— Я тоже так думаю. Я хоть и не дипломат, но вполне советский человек и в заграничных краях не оконфужусь. Я на правде твёрдо стою, меня какой-нибудь там Черчилль не заговорит.

Он широко взмахнул рукой, словно отменяя Черчилля и тому подобный гнус, и усмехнулся:

— На кой леший, собственно, я с такими разговаривать буду! Мой разговор будет с крестьянами. Приеду я в Европу и скажу: «Вот, смотрите: я, рядовой колхозник Советского Союза, совершаю путешествие по Европе на своей автомашине и на свои кровные деньги, крестьянским трудом заработанные. Как вам это нравится? Понятно вам теперь, что и к чему?» Я хоть и не дипломат, а умею тонко разговаривать и в мирных условиях смогу взять дальний прицел. Поеду как будто в своё удовольствие, а там пусть люди смотрят на колхозного Никиту и на ус намазывают.

Соломина удивилась взлёту мыслей пасечника. Вот уж действительно мечтатель! Но тут же невольно усмехнулась, вспомнив, что и её кое-кто из районных работников называет мечтательницей...

В позапрошлом году, когда Соломина после партийной школы приехала в МТС, она поставила перед собой задачу — опоясать все колхозные поля зелёными насаждениями, устроить в балках пруды. На собраниях и совещаниях в колхозах, в МТС, в районных организациях она с увлечением рисовала картины будущего района. Как-то в пылу спора на одном заседании председатель райисполкома назвал её мечтательницей.

Она тогда обиделась. А потом подумала: раз человек мечтает, значит, есть в нём творческий огонёк. Лишь бы мечты не были беспочвенными, или, как говорит пасечник, в мечтах от земли родной не отрываться.

Глядя на Никиту Григорьевича, Соломина думала о его желании поехать по Европе.

— Значит, так: богатый колхозный турист совершает путешествие по Европе. Люди на него смотрят и диву даются, — сказала она. — А я у тебя спрошу: кому польза от твоего путешествия? За границей и без тебя знают, что наши колхозники живут лучше европейских крестьян. И выходит, что ради собственного удовольствия поедешь?

Никита Григорьевич помолчал, слегка удивлённый словами замполита. Нет, не для собственного удовольствия он совершит поездку. У него дело общественное.

— Читал я в газетах, — веско проговорил он, — тракторы появились на крестьянских полях в Румынии, Болгарии, Венгрии. Организуются товарищества по совместной обработке земли. Опытные люди по этому делу нужны там. А кто у нас на селе первое товарищество организовал? Без меня не обошлось. Авось, и мой опыт там пригодится. Вот как! Дело это общественное, а не личное.

Совсем близко раздался сигнал легковой машины.

Вскоре у шалаша показалась секретарь райкома Позднякова, высокая, чуть сутулая, с выцветшими на солнце бровями.

— Вот где я тебя нашла, — с некоторым

раздражением сказала она Соломиной. — Разлеглись в холодке и мечтают. Мечтали! — протянула она с иронией. — Садись в машину, поедем в «Путь к коммунизму». Учёные из Краснодара приехали. Заседание Учёного совета будем проводить совместно с колхозниками.

Соломиной не понравился тон, каким сказала Позднякова «мечтатели». Сидя в машине, она думала о пасечнике: «А что нереального в его мечтах? Человек уверенно смотрит вперёд».

Она оглянулась. Никита Григорьевич стоял, нагнувшись около улья, видимо, что-то прилаживал.

Секретарь райкома, не поворачивая головы, сказала:

— У вас в МТС, оказывается, и писатели есть.

Соломина недоуменно пожала плечами:

— Не знаю.

— Эх, ты! — укоризненно произнесла секретарь. — Надо лучше людей своих знать. Ольга Филипенко, дочь председателя колхоза, ведёт дневник. Думает книгу составить. Получится у неё. Хорошо начитанна. Побеседовала я с ней о литературе. Краснеть пришлось: отстала я, отстала.

Несколько минут ехали молча. Потом Позднякова в раздумье произнесла:

— Есть о чём ей писать. Эх, какие люди на Кубани!.. Думаю я частенько, вперёд заглядываю и вижу: зелёные заслоны на полях, растёт многолетняя ветвистая пшеница, хлопок многоцветный... Все работы электрифицированы, физический труд стал разновидностью умственного. Вижу такое изобилие, которое говорит, что мы шагнули в коммунизм...

«Э, брат, да ты, я вижу, тоже мечтательница! Чего же ты над нами посмеиваешься?» — подумала Соломина и весело рассмеялась.

Краснодар.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА.

— Представьте себе, только хотел окончательно бросить воровать, как меня избрали в муниципалитет!

Готовые к услугам.

КУБАНСКИЕ МОТИВЫ

ВЕСОМО И ЗРИМО

Село Уляб. В колхозе имени Мичурина только авансом выдали по четыре килограмма зерна на трудодень.

— Но вы не подумайте, что наш колхоз лучший, — сказал нам председатель. — И хотя мы выдадим ещё по несколько килограммов зерна, и ещё денег, и ещё фруктов, и ещё овощей, и ещё всякой всячины, — мы всё-таки на первое место не сможем выбраться. Есть колхозы лучше нашего, многостороннее. По индейкам мы, например, ещё отстаём.

— Но и на двадцатом месте в районной сводке мы тоже не будем теперь торчать, — уверенно сказал старый колхозник. — На двадцатом месте нам уже не бывать благодаря...

— Чему?

— Благодаря тому, что теперь, после укрупнения колхозов, их всего-то десять на весь район... А вы, — кивнул старик инструктору райкома, — вы извините меня, но по пятнадцать колхозов в день уже не объедете!..

ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ

Совхоз имени Молотова. Павел Владимирович Яворский, директор совхоза, знакомил иностранных гостей со своим штатом.

— А вот этот товарищ, — сказал он, — командует у нас воздушными силами... Начальник ВВС.

Гости удивились:

— Начальник ВВС? Начальник Военно-Воздушных Сил?

— Нет, начальник виноградно-воздушных сил. Это наша авиация, совхозная авиация, которая работает на виноградниках: опрыскивает, опыляет и т. д.

И директор повёл гостей на аэродром, где продемонстрировал авиационную мощь виноградно-совхоза. На бреющем полёте самолёты-садовники проносились над плантациями...

— Вот такой у нас уход за растениями, — сказал директор. — Без самолётов мы бы и не справились с тысячектарными площадями. Десятки самолётов-вылетов в день делают наши пилоты.

Переводчик усмехнулся:

— Но это уже тогда не уход за растениями, а... улёт, что ли?

ДОСТОВЕРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Майкоп. Врач Иван Владимирович Ценных, ссылаясь на достоверные источники, доказывал, что, не выезжая из Майкопа, можно побывать в Мацесте, в Пятигорске и в Ессентуках.

Что же это за достоверные источники?

Мы поехали к реке Белой, на окраину Майкопа, и увидели потоки горячей, в 78 градусов, минеральной воды, заключённой в трубы и желоба.

— Это наша Мацеста. Пройдёте немного дальше и попадёте в Пятигорск, а неподалёку будет Ессентуки, — сказал Иван Владимирович.

— Но не понимаю, — добавил доктор Ценных, — почему горисполком медлит со строительством водолечебниц, если председатель исполкома товарищ Меркурьев в порядке проверки целебных свойств воды уже почти вылечил свою большую печень?

КОНЕЦ ПРОФЕССИИ

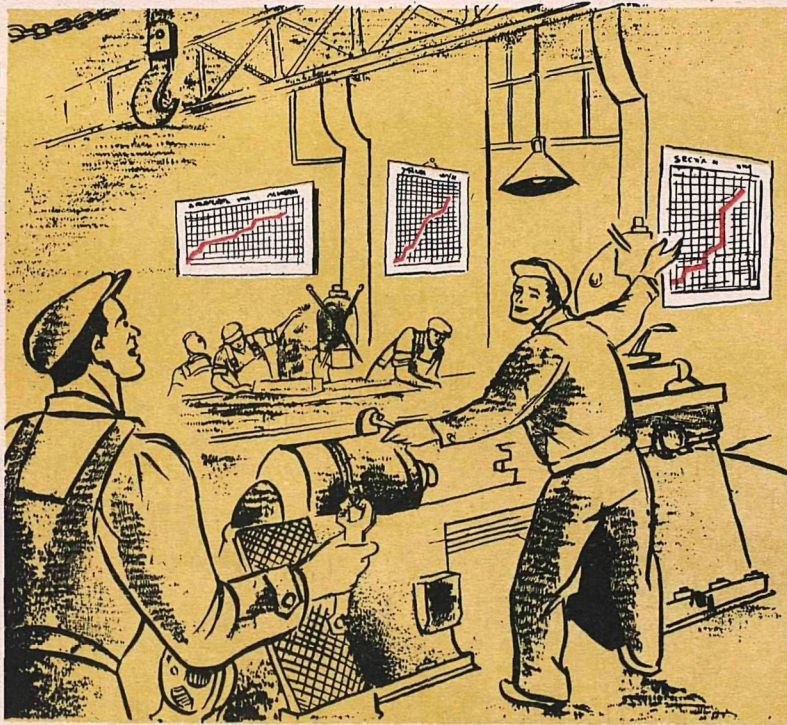
Новороссийск. Кузьма Антонович Журавлёв много лет работал в карьерах цементного завода ломщиком камня. Он наломал 80 тысяч тонн.

— Первый ломщик Новороссийска! — говорили о нём в газетных очерках.

— Нет, последний ломщик! — сказал недавно Журавлёв очеркисту Георгию Соколову. — Извольте теперь переписать заново свой очерк. Я теперь мастер дробилки. А ломщиков нет. Вывелись окончательно. Приятно быть первым ломщиком, но ещё приятнее стать последним.

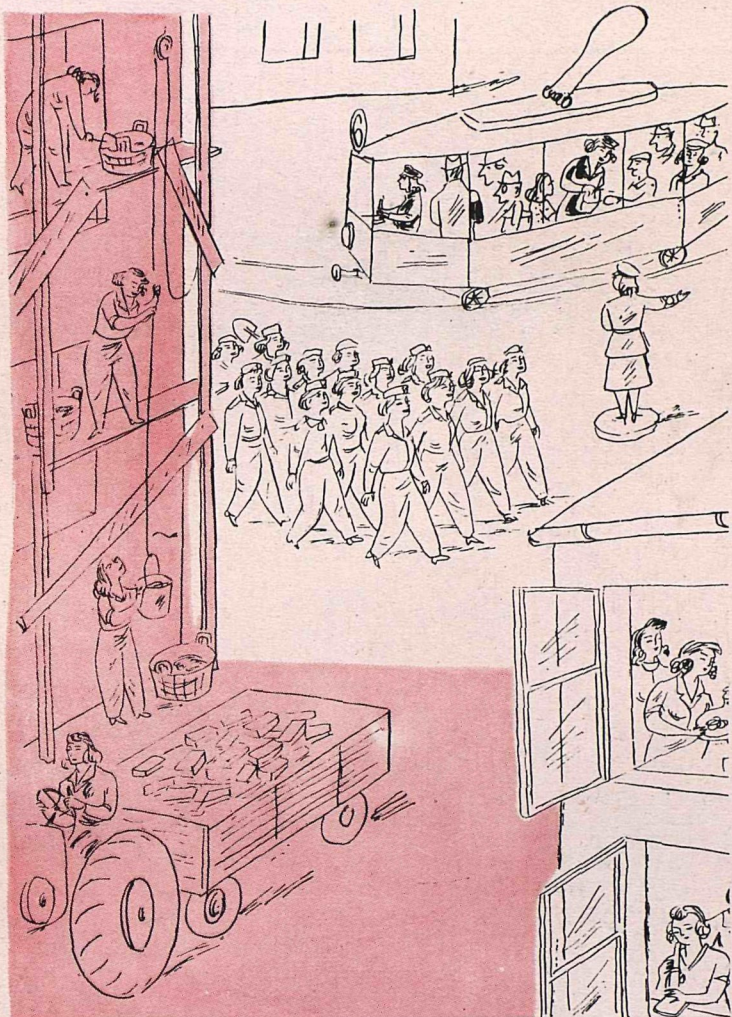
М. ШУР

Шоштранный

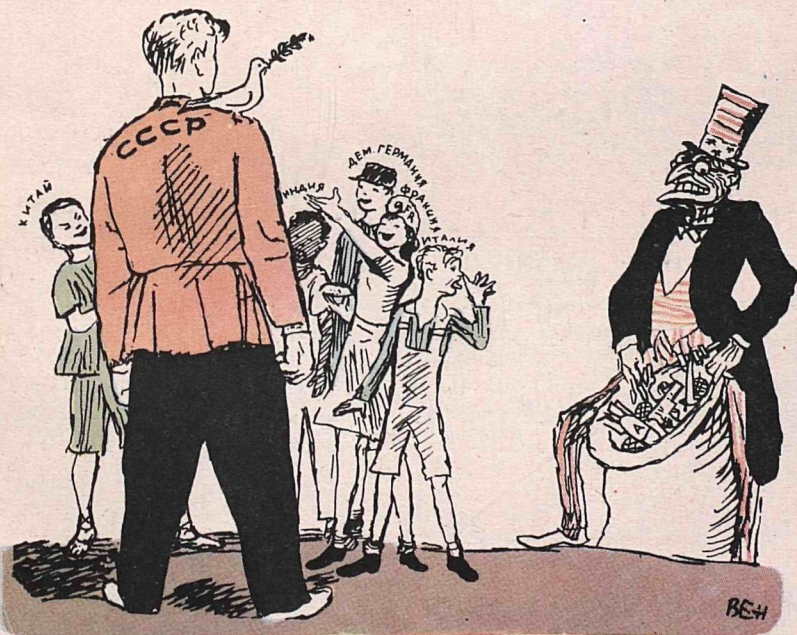
— В вашем цехе много борцов за мир!
— Ну, конечно! Разве ты не видишь, как растёт график выработки продукции!

(«Урзина», Румыния)

Бабые лето.

(«Шпильки», Польша)

ДЯДЯ САМ: — Я им предлагаю такие хорошие вещи, а они в другую сторону смотрят!

(«Стршгъл», Болгария)

— Ты знаешь, кум, что это за машина! Она сразу четыре работы выполняет: косит, молотит, солому сгребает и кулака сушит!

(«Лудаш мати», Венгрия)

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д-8-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц. Москва. Изд. № 670. Подписано к печати 23/Х 1950 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А — 07161.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2799.

Тираж 275 000 экз.

40 1 - НОЯ 1950

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

10778 Ж

— Вот по этим звёздам, друзья, мы придём к социализму!

Бессоюзная
Книжная Палата
Общ. изд-ва
1950 г.

ПРИВЕТ СССР
ОТ СТРАН НАРОДНОЙ
ДЕМОКРАТИИ